

Берды-ага, написавший сам себя

Заметки по случаю столетия Берды Кербабая, советского туркменского классика.

Конечно, этих сановных писателей с окраин, зримое свидетельство торжества ленинской национальной политики, никто не принимал всерьез: при чем же тут литература? Но родившийся на пять лет раньше Борхеса, Берды Кербабая вполне мог стать героем одной из новелл великого аргентинца: внимание к феноменам ущербной славы и вымышленности реального человека наверняка разбудило бы любопытство Борхеса по отношению к этому странному писателю, который никогда не делал ничего для того, чтобы его произведения были интересны читателям. Можно только пожалеть о том, что Борхес прошел мимо социалистического реализма в целом и его апостолов, в частности мимо Берды-ага, который начал с Корана, но вскоре совместил Книгу с иными ценностями, хотя и не отказался от исходных: ведь Коран запоминают сердцем. Меня Берды-ага интересует именно как тип мусульманина-вероотступника, обласканного атеистами и сделавшего карьеру по их правилам.

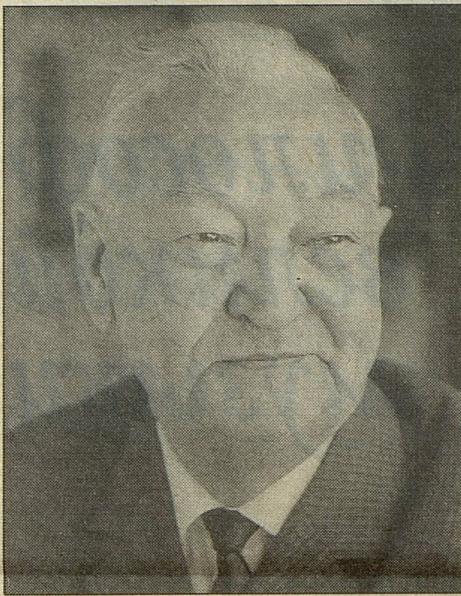
Он родился 15 марта 1894 года в ауле Амашагапан и был средним из пятерых детей. Отцу казался щупленьким: «Тебя можно выучить только на муллу. Ни для чего другого ты совершенно не пригоден». О мектебе (начальная мусульманская школа для мальчиков) Берды-ага впервые написал в августе 1948 года. «Лет до десяти я не слышал этого слова — школа. В нашем селе и в ближайших селах не было школы... Землянка — мектеб, толстяк в чалме — мулла, а свежие прутья, что лежали рядом с ним на кошме, — учебные пособия. Мулла брал прут поочередно то в правую, то в левую руку, не спеша помахивал им...» («Туркменская искра», 1948, 7 сентября).

Когда Кербабая писал эти строки, Учитель у него был уже другим, и прут в руке другим; только страх, наверное, оставался прежним.

В автобиографическом очерке Кербабая сообщено, что в 1915 году переехал в Бухару («официальным занятием моим являлась религия»), где начал тайком (!) посещать квартиру какого-то учителя-татарина: здесь вольнодумцы изучали русский алфавит. «В пору фантастической веры в устои ислама жизненные соки молодых людей месяцами и годами высасывались религиозным тарантулом, — писал классик уже в 1960 годы. —... И как только я избавился от этих узких мрачных конур, похожих на могилу, то очутился в бурном потоке исторических событий революции и гражданской войны...»

Как он попал в «поток», осталось неясным: подробности не приведены нигде. А имеет Кербабая в виду Среднеазиатское восстание 1916 года, октябрьский переворот, войну в Закаспии, английскую интервенцию. Сам Берды поначалу оказывается в стане туркменских националистов: он интендант в штабе Эзиз-хана, «злого и коварного пособника белогвардейцев и интервентов». Однако затем переходит на сторону комиссаров, борется за дело рабочих и трудового даяхства и даже сидит в белогвардейской тюрьме. До конца 1919 года служит в политотделе Закаспийского фронта, затем в органах наробраз, в 1921 — 1922 годах работает председателем Тедженского волысполкома, а с 1924 года заведует литературным отделом газеты «Туркменистан» (Ашхабад). На языке того времени это называлось пробуждением окраинной молодежи: Берды был одним из пробудившихся. Но как из муллы (впрочем, был ли он муллой?) наш герой стал большевиком — неясно. Подробности я взял из автобиографии, прочитанной и промозгой так, будто это образцовый соцреалистический роман, представленный к Сталинской премии. В сущности, так оно и есть: выпускнику медресе, несостоявшемуся мулле сочинять пришлось не только романы, но и самого себя.

У этого сочинения два важнейших этапа. Первый — учеба в Ленинграде в Институте востоковедения в 1927 — 1928 годах. Именно в это время Берды активно приобщается к русской культуре: много переводит с русского и пишет поэмы, в которых протестует против традиции закрепощения туркменки. Феминисткам, рыщущим в поисках топлива для своих сочинений, стоит иметь в виду «Девичий мир» и «Жертву адата».

ИТАР-ТАСС

Правда, что касается последней, то она переведена четырехстопным хореем, сразу напоминающим о «Послании Л.С.Рубинштейну» Тимура Кибирова. Поэтому история гелин (женщины), после смерти мужа оказавшей женой брата мужа — восьмилетнего мальчика, звучит пародийно. Не исключено, что этот незапланированный эффект адекватно передает то, как эти феминистские поэмы впервые прозвучали по-туркменски.

Возникшие в Ленинграде, поэмы оказались попыткой нарушить туркменскую поэтическую традицию пропагандой советского образа жизни и разоблачением мракобесия. В итоге автор сразу лишился всех литературных традиций: старые формы («Думал я о лике пери — одержимость донимала, гнет любви и мрак похмелья принесли мне слез немало...») не могли выразить агитпроповских запросов; формально усвоенная русская поэтическая техника пошла на безжизненные рифмованные агитки: «Мы старое в большом костре сожгли, все тяготы, лишения ушли. Ты оглянись вокруг — как жизнь нова! Тебе даны народом все права!»

Второй этап карьеры — роман «Решающий шаг», очевидно, задуманный сразу после того, как в 1930 году в Туркмению наведалься писательская бригада из Москвы (Леонов, Тихонов, Павленко и др.) и надумила Берды приняться за большой роман, без которого в России не признают писателем, достойным сановного внимания. Над этим романом Кербабая корпел почти 15 лет, завершающая часть вышла в 1947 году в журнале «Совет Эдебияты», и почти сразу сочинение получило Сталинскую премию II степени. В одном разряде с Казакевичем («Звезда»), Пановой («Кружилька») и Панферовым («Борьба за мир») оказался и наш Берды. Он получил очень большие по тем временам деньги — пятьдесят тысяч рублей.

Роман — туркменский вариант «Тихого Дона», только гораздо хуже написанный и донельзя схематичный (ибо не оказалось таинственного соавтора, все пришлось писать самому). В центре — судьбы даяхан Тедженского оазиса. Артык, его невеста Айна, даяхан Мавы, Ашир и Майса вначале не понимают сущности событий, мечутся между баям Халназаром, Эзиз-ханом и коммунистом Иваном Чернышевым. Но потом правильно выбирают Ивана. Только язык сороковых годов может адекватно передать суть романа: «Озаренный светом большевистских идей, туркменский народ поднялся на великую битву за свои права и с помощью великого русского народа... навсегда освободился от векового рабства» («Туркменская искра», 1948, 14 марта).

Цель была достигнута: Кербабая первым написал по-туркменски большой исторический соцреалистический роман «русского» типа и тем навсегда утвердил свои позиции номенклатурного литературного лидера республики. Неудивительно, что за чудовищную повесть «Айсолтан из страны белого золота», посвященную теме хлопка, он получил еще одну Сталинскую премию (III ст.), а в 1947 году был принят в ряды КПСС. «Решающий шаг» был решающим шагом самого Берды Мурадовича — в сторону от туркменских и арабских традиций в направлении к догматике соц-

реализма: она оказалась не мудренее арабской грамоты. Финалы Берды-ага удавались на славу: «...Все сливается в торжественный многоголосый хор, и ветер несет эту ликующую песню над притихшими, залитыми солнцем улицами, над необъятным зеленым простором хлопковых полей». Поэтика школьного букваря навсегда стала для Берды-ага основой его «литературного» стиля.

Можно вообразить Берды-ага правдоподобным и изощренным сталинистом. Однако его газетная публицистика сороковых годов, исследованная нами со всей возможной тщательностью, оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, Кербабая и в стихах, и в докладах, естественно, упоминает и славословит «усатого сокола», к нему, родному и любимому, обращается в мечтах и рапортах:

*Пою того, кто всех нас вдохновляет,
Кого родным отцом мы нарекли...*

С другой стороны, употребить фамилию СТАЛИН в докладе на совещании молодых писателей Туркменистана ТОЛЬКО ОДИН РАЗ (!) (см. «Туркменская искра», 1947, 25 июля) было равносильно то ли сдержанной фронде, то ли скрытому туркменскому национализму. В последнем Берды-ага не догадался обвинить даже в строгие послевоенные годы, но я национализм не без трепета ощутил.

Борхесу наверняка понравился бы этот сюжет: на поверхности — «советский архетип» (до революции было плохо, после, с Россией, стало хорошо), дежурные слова о «бессмертных творениях Ленина—Сталина», стандартный и обязательный сюжет, в котором туркмен — всегда ребенок (в прямом и переносном смысле), а русский — старший товарищ, директор, командир, генерал, опытный советчик, большей частью носящий имя Иван, а внутри — непреодоленный национализм и устои ислама. Странно, например, выглядят в номере «Туркменской искры» за 21 июля 1946 года стихи Берды-ага «Туркменистан». На первой полосе «Письмо товарищу Сталину» от имени II сессии ВС ТССР, письмо хорошее, правильное, почтительное, а рядом...

*Дети твои — грозная армия,
Туркменистан!*

*Гнев испытай твой, в страхе бежит
враг твой, Туркменистан!*

Именно немислимое отсутствие имени Сталина и странное наличие каких-то собственных врагов у Туркменистана выдает националистический подтекст: пером водил не советский писатель, а интендант штаба Эзиз-хана. Но тогда подтекст остался непознанным — очевидно, только из-за безраздельного господства Кербабая на вверенном ему участке: я думаю, на него даже боялись писать доносы! Бывший мулла, закаленный учебой в мектебе, суровый восточный человек, окраинный сановник (нечто среднее между «человеком из Москвы» и генералом местного МГБ), шутить не любил. Где теперь молодой Атрек Реджебов после того, как Сам публично покритиковал его за стихи «Тяжелые дни нагрянули на голову...»? Реджебов, вечно заявив тогда затихшему залу: тов. Кербабая, вместо того, чтобы воспеть советских людей, никогда не падавших духом, «бессильно хнычет и стонет, умоляя о помощи аллаха. Такая попытка изображения якобы наших чувств и характера — не что иное, как клевета на советский народ!»

Последние годы Берды-ага не отмечены ничем литературно-примечательным, о романе «Небит-Даг» сказать практически нечего, он лишен даже смешной торжественности, отметившей поделку периода сталинокрапии. Нет авторской тайны, нет души, все вылил прут. Хочется воскликнуть вслед за Роланом Бартом, написавшим в 1963 году о «Небит-Даре»: «Лучше уж психопатология писателя, чем вообще никакой психологии!»

Нужно быть Борхесом, чтобы вообразить жизненный путь писателя до самого конца и завершить описание либо внезапной смертью за большим столом с блюдом горячего плова, либо страшным сознанием того, что «он сам только призрак, который видится во сне кому-то».